

Первый опыт „Введенія въ Свящ. Писаніе“.

„Введеніе въ Свящ. Писаніе“ въ своемъ настоящемъ видѣ есть произведеніе сравнительно недавняго времени. Отцомъ этой науки на Западѣ принято считать Ричарда Симона, ученаго ораторіанца XVII-го вѣка. Однако тѣ элементы, изъ которыхъ слагается въ настоящее время „введеніе“, можно находить уже въ сочиненіяхъ церковныхъ учителей первыхъ вѣковъ. Въ этихъ сочиненіяхъ мы имѣемъ отдѣльныя замѣчанія, а иногда и болѣе или менѣе пространныя разсужденія по вопросамъ о канонѣ священныхъ книгъ, объ ихъ текстѣ и толкованіи. Въ древне-церковной письменности, кромѣ того, существовали уже и своды этихъ замѣчаній,—опыты систематическихъ руководствъ къ чтенію и изученію Библии. Первый опытъ въ такомъ родѣ, носящій принятое въ настоящее время названіе „введенія“, былъ составленъ монахомъ Адрианомъ и имѣетъ заглавіе: *εἰσαγωγή εἰς τὰς θείας γραφάς*, „введеніе въ божественныя писанія“.

Монахъ Адрианъ принадлежитъ къ числу тѣхъ древне-церковныхъ писателей, о которыхъ до нашего времени сохранилось весьма мало свѣдѣній. Существуютъ недоумѣнія даже относительно самаго имени его. Такъ, ученый Альфонсъ Чиакони въ своей „Библіотекѣ“ называетъ его *Андроникомъ* или Адрианомъ¹⁾ и сообщаетъ, что онъ принадлежалъ къ

---

¹⁾ „Andronicus sive Hadrianus, ex genere Comneni, imperatoris Constantinopolis, ad divinae scripturae lectionem Isagogen scripsit“. A. *Ciacconius*, *Bibl. libr. et scriptores ab initio*, p. 162.

царскому роду Комненовъ. Андроникомъ же называетъ автора $\epsilon\iota\sigma\alpha\gamma\omega\gamma\acute{\eta}$ и Туррианъ ¹⁾). А въ одной изъ рукописей, которыми пользовался Лоллинъ, сдѣлавшій латинскій переводъ „введенія“, авторъ сочиненія называется Африканомъ. Однако можно признать несомнѣннымъ, что эти мнѣнія основаны на недоразумѣнιάхъ. Въ „Библиотекѣ“ Фотія авторъ разсматриваемаго „введенія“ называется Адрианомъ ²⁾). Всѣ рукописи, которыми пользовался Гесслингъ ³⁾)—послѣдній издатель $\epsilon\iota\sigma\alpha\gamma\omega\gamma\acute{\eta}$ —надписаны также именемъ Адриана, и, очевидно, въ упомянутой выше рукописи Лоллина имя Африкана возникло путемъ ошибки изъ сходнаго съ нимъ по начертанію имени Адриана.

Обстоятельства жизни Адриана намъ неизвѣстны. Предполагаютъ только на основаніи близости „введенія“ къ трудамъ бл. Феодорита и Феодора Мопсуестскаго, что Адрианъ былъ сиріецъ, говорившій по-гречески. По своему званію онъ былъ монахъ и пресвитеръ. Это можно заключать, съ одной стороны, изъ надписанія, которое имѣетъ „введеніе“ во всѣхъ рукописяхъ, съ другой стороны—изъ писемъ св. Нила. Между этими письмами есть три, которыя адресованы къ какому-то Адриану, называемому монахомъ и пресвитеромъ ⁴⁾). Такъ-какъ Адрианъ, авторъ „введенія“, былъ, надо полагать, современникомъ Нила и такъ-какъ въ одномъ изъ указанныхъ писемъ Нила монахъ Адрианъ похваляется за усердіе къ Свящ. Писанію, то не безъ основанія можно отождествить адресата писемъ и автора разсматриваемаго нами „введенія“.

Время жизни монаха Адриана изслѣдователями опредѣляется различно. Селъе относитъ цвѣтушій періодъ жизни

1) *Fabricius*, *Biblioth. gr.* t. X, p. 687.

2) *Biblioth. cod.* 2, p. 2 Bekk.

3) *Gössling*, *Adrians $\epsilon\iota\sigma\alpha\gamma\omega\gamma\acute{\eta}$* —aus neu aufgefundenen Handschriften herausg., übersetzt und erläutert. Berlin. 1887. S. 9—10. Трудомъ Гесслинга мы и пользуемся въ настоящей статьѣ.

4) *Migne*, *Patr. gr.* t. 79 lib. II, epist. 60, lib. III, ep. 118 и 266.

Адриана къ 553 году, Каве—къ 433-му, а Креднеръ считаетъ Адриана современникомъ бл. Августина ¹⁾). Первое упоминаніе объ Адрианѣ мы имѣемъ у Кассіодора ²⁾), умершаго въ 575 г. Въ своемъ перечисленіи экзегетовъ, труды которыхъ могутъ быть руководствомъ при чтеніи Свщ. Писанія, Кассіодоръ поставляетъ Адриана послѣ Тихонія и Августина, но прежде Евхерія Ліонскаго и Юнилія. Повидимому, перечисленіе дѣлается у Кассіодора въ хронологическомъ порядкѣ. Поэтому можно думать, что годъ смерти Адриана падаетъ на время между 430-мъ г. и 452-мъ, а цвѣтущее время приходится, какъ полагаетъ Гесслингъ, на 425 годъ.

Введеніе Адриана въ древности, какъ видно, пользовалось значительнымъ уваженіемъ. Такъ, Кассіодоръ, какъ замѣчено выше, ставитъ трудъ Адриана на ряду съ замѣчательными герменевтическими трудами Тихонія, Августина и Евхерія. Въ „Библиотекѣ“ Фотія „введеніе“ Адриана признается книгой, „полезной для тѣхъ, кого нужно ввести въ изученіе Писанія“ ³⁾). Изъ позднѣйшихъ писателей Флюгге и Лютцъ ⁴⁾), отмѣчая слабыя стороны руководства Адриана, тѣмъ не менѣе также признаютъ его не безполевымъ и имѣющимъ значеніе для экзегетики. Новѣйшій ученый Адальбертъ Мерксъ ставитъ даже руководство Адриана выше всѣхъ трудовъ подобнаго рода, оставленныхъ древностью ⁵⁾).

Естественно, поэтому, предположить, что „введеніе“ Адриана въ древности часто переписывалось и было распространено во многихъ рукописяхъ. До настоящаго времени, впрочемъ, рукописей введенія сохранилось немного, и послѣ

¹⁾ *Goessling*, S. 12.

²⁾ *Migne*, Patr. lat. t. 70 c. X.

³⁾ Ἀνεγνώσθη ἀδριανοῦ εἰσαγωγή τῆς γραφῆς χρήσιμος τοῖς εἰσαγομένοις ἢ βιβλίος.

⁴⁾ *Lutz*, Bibl. Hermeneutik, 1849. S. 20.

⁵⁾ *Merx*, Rede vom Auslegen, besonders A. T. Halle. 1879.

тщательныхъ изыскавій Гесслингъ нашелъ ихъ только *восемь*. Кромѣ того, существуетъ еще переводной латинскій текстъ введенія, въ основѣ котораго лежатъ двѣ редакціи греческаго текста. По изслѣдованію Гесслинга, всѣ рукописи введенія Адріана имѣютъ значительные недостатки, — именно глоссы, пропуски и орфографическія погрѣшности.

Что касается печатныхъ изданій разсматриваемаго введенія, то ихъ существуетъ нѣсколько. Впервые введеніе Адріана было издано въ 1602 г. въ Аугсбургѣ ученымъ филологомъ Хешелемъ (Hoeschelius). Къ тексту введенія, при этомъ, были сдѣланы нѣкоторыя пояснительныя примѣчанія, и кромѣ того указаны въ нѣкоторыхъ случаяхъ цитаты приводимыхъ Адріаномъ библейскихъ мѣстъ. Текстъ введенія былъ изданъ Хешелемъ только по двумъ рукописямъ и не вполне исправно. Этотъ текстъ потомъ былъ перепечатанъ въ 1660 г. Пирсономъ въ VIII-мъ томѣ *Critici Sacri* (London 1660) и затѣмъ перепечатывался при повторявшихся въ Амстердамѣ и Франкфуртѣ изданіяхъ названнаго труда. Греческій текстъ Хешеля безъ всякихъ существенныхъ измѣненій помѣщенъ и въ патрологіи Миня¹⁾. Последнее по времени и лучшее изданіе текста введенія — есть изданіе Гесслинга. Оно основано на критическомъ ивученіи всѣхъ существующихъ рукописей введенія; въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ тексту указаны Гесслингомъ варианты, библейскіе цитаты, а иногда сдѣланы поясненія. Изданіе, кромѣ того, сопровождается пролегоменами, въ которыхъ трудъ Адріана изслѣдуется съ разныхъ сторонъ.

Кромѣ греческаго текста введенія существуютъ и переводы его. Изъ нихъ особенно важенъ латинскій переводъ еп. Лоллина, изданный въ 1630 г., такъ-какъ въ основѣ этого перевода лежатъ неизвѣстныя теперь греческія рукописи. Другой латинскій переводъ „введенія“ помѣщается въ изданіи

¹⁾ Patr. gr. t. 98, col. 1273—1312.

Миня; но этотъ переводъ весьма неудовлетворителенъ, какъ вслѣдствіе неисправности положеннаго въ основу его текста, такъ и вслѣдствіе несовершенства самаго перевода. Наконецъ, въ изданіи Гесслинга имѣется нѣмецкій переводъ „введенія“—переводъ довольно свободный, но въ общемъ правильный и точно передающій мысль подлинника.

По своему содержанию введеніе Адріана распадается на три части; кромѣ того, оно имѣетъ краткое предисловіе и довольно пространное заключеніе. Въ своемъ „введеніи“ Адріанъ хотѣлъ дать руководство къ пониманію Библии, и именно Ветхаго Завета; поѣтому его трудъ—герменевтическаго характера. По возрѣнію автора, для пониманія Библии необходимо разумѣніе особенностей того языка, на которомъ свящ. книги были написаны, т. е. языка еврейскаго. И „введеніе“ Адріана представляетъ собою уясненіе этихъ особенностей. Слѣдуя древнимъ составителямъ риторикъ, Адріанъ различаетъ въ библейскомъ языкѣ идиотизмы трехъ родовъ. „Особенностей еврейскаго языка“, разсуждаетъ онъ въ началѣ своего руководства,—„три вида: изъ нихъ одинъ касается мысли, другой—употребленія (отдѣльныхъ) словъ и третій—сочетанія“ (словъ). Къ разъясненію этихъ риторическихъ фигуръ и сводится весь трудъ Адріана. Первая часть его обнимаетъ фигуры мысли (*σχήματα διανοίας*), вторая—фигуры слова (*σχήματα λέξεως*) и третья—фигуры сочетанія (*σχήματα συνθέσεως*). Разъясненія Адріана состоятъ въ томъ, что по каждому пункту онъ приводитъ множеество примѣровъ. Въ предисловіи къ первой части Адріанъ опредѣляетъ, что разумѣетъ онъ подъ *σχήματα διανοίας*, фигурами мысли. *Σχήματα διανοίας*, говоритъ онъ, „заключаются въ томъ, что дѣйствія Божіи, направляемая къ добру или злу, описываются подъ образами, заимствованными отъ вещей, присушихъ намъ: я разумѣю выраженія, заимствованныя или отъ членовъ, или отъ чувствъ, или отъ душевныхъ движеній (или движеній тѣлесныхъ, или отъ страстей душевныхъ) или отъ страстей тѣлесныхъ, или отъ располо-

женій, или отъ обычныхъ мнѣній, или отъ (человѣческихъ) достоинствъ (ἀπὸ ἀξιομάτων), или отъ занятій, или отъ мѣстъ, отъ одеждъ, отъ обычаевъ, отъ наружнаго вида или отъ всего вообще живущаго“. Давъ такое опредѣленіе σὺήματα διανοίας, Адрианъ переходитъ къ разъясненію ихъ. Все это разъясненіе заключается въ томъ, что Адрианъ приводитъ изъ Свящ. Писанія нѣсколько мѣстъ, гдѣ тотъ или иной образъ встрѣчается. „Отъ членовъ“, рассуждаетъ Адрианъ, заимствованы такія выраженія, какъ „очи Его испытуютъ сыновъ человѣческихъ“ (Пс. 10, 4); очи Господа на праведныхъ (Пс. 33, 16); „уста Господа сказали это (Ис. 1, 30); благъ мнѣ законъ устъ Твоихъ (Пс. 118, 72); „изъ устъ Моихъ изойдетъ правда“ (Ис. 45, 23); Лице Господа на творящихъ злое“ (Пс. 33, 17)... О правой рукѣ, какъ о наиболѣе почетной, Свящ. Писаніе говоритъ въ хорошемъ смыслѣ, напр.: „десница Господа совершила побѣду (Пс. 117, 16)“... Отъ чувствъ заимствованы выраженія: „Богъ воззрѣлъ съ неба и увидѣлъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ“ (Пс. 32, 13); „гласомъ моимъ къ Господу воззвалъ, и услышалъ меня“ (Пс. 3, 5); „Господь обонялъ воню благоуханія (Быт. 8, 21); „прости руку Твою и коснись костей его (Іов. 2, 5)“ и пр. Подобнымъ же образомъ Адрианъ поясняетъ библейскими изреченіями и другія намѣченныя имъ фигуры смысла.

Отмѣтивъ встрѣчающіеся въ Библии антропоморфизмы, Адрианъ считаетъ нужнымъ далѣе раскрыть ихъ нѣсколько подробнѣе и указать специальное употребленіе нѣкоторыхъ образовъ. „То, что отъ вѣдѣнія Божія ничто не сокрыто, Свящ. Писаніе“, продолжаетъ онъ,—„выражаетъ, приписывая Богу очи, вѣжди, видѣніе—или ко благу, напр. (въ словахъ) „очи Господни на праведныхъ“, или ко злу, какъ въ словахъ: „очи Его на язычниковъ“ (Пс. 65, 7). Готовность Божию оказывать милость Свящ. Писаніе называетъ „ушами“ и „слухомъ“, желаніе Бога возвыщать свои совѣты—„языкомъ“ и „устами“, потому что мы передаемъ мысли посредствомъ

устъ и слова... Способность божественной дѣятельности все доводить до цѣли—ко благу и къ злу—Писаніе называетъ руками, какъ и у насъ все необходимое совершается дѣятельностью рукъ. Но о правой рукѣ Свящ. Писаніе говоритъ только въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о милостивыхъ отношеніяхъ, такъ-какъ этому члену принадлежитъ преимущественно... Готовность Бога подать помощь требующимъ ее Писаніе называетъ „ногами“ и „хожденіемъ“, напр.: „Онъ преклонилъ небеса и сошелъ“ (Пс. 17, 10); „Адамъ слышалъ голосъ Бога, ходящаго въ раю“ (Быт. 3, 8). Намѣреніе Божіе помочь своимъ (вѣрующимъ въ Него) и наказъ враговъ Писаніе называетъ „возстаніемъ Бога и пробужденіемъ“, какъ напр.: „возстани, Боже, помози намъ“ (Пс. 43, 27)... То, что отъ правосудія божественнаго никто не можетъ убѣжать, Писаніе называетъ изслѣдованіемъ, исканіемъ; напр.: „и будетъ въ тотъ день, и обыщу Іерусалимъ со свѣтильникомъ“ (Соф. 1, 12)... Могущество и правосудіе Божіе Писаніе называетъ „сидѣніемъ и треномъ“, потому что у насъ имѣющіе власть судить и наказывать во время производства разслѣдованія, возсѣдаютъ на тронѣ. Напр.: „сѣлъ на тронѣ Судящій правду“ (Пс. 9, 5); „Богъ возсѣдаетъ на престолѣ святомъ Его“ (Пс. 45, 9) и пр. Свое объясненіе фигуръ мысли Адріанъ заканчиваетъ замѣчаніемъ: „все это мы представили настолько, насколько можно философствовать о Богѣ, не будучи въ состояніи мыслить или сказать болѣе“.

Переходя къ *συήματα λέξεως*, къ особенностямъ въ употребленіи словъ, Адріанъ не даетъ никакихъ пояснительныхъ замѣчаній относительно того, что собственно онъ разумѣетъ подъ этими особенностями. Поэтому второй отдѣлъ введенія Адріана является не вполне понятнымъ. Приемы автора, впрочемъ, и въ этой части таковы же, какъ и въ первой: каждое свое положеніе онъ подтверждаетъ многочисленными примѣрами изъ библейскаго текста. „Писаніе“,

читаемъ мы во второй части „введенія“, „говорить *спать* (κοιμάσθαι) вмѣсто нашего *успокоиться* (καταπαύεσθαι), какъ напр.: если будете спать посрединѣ вашихъ предѣловъ (Пс. 67, 14) или: „въ мирѣ усну и почию“ (Пс. 4, 9)... Словомъ *лоно* (κόλπος) часто обозначается (въ Писаніи) нѣчто неотдѣлимое; напр., „воздай сосѣдямъ нашимъ седмицею въ лоно ихъ“ (Пс. 78, 12) вмѣсто— „воздай наказаніе Твое такъ, чтобы они не могли избѣжать его... *Омыть руки* (на языкѣ Писанія) означаетъ не принимать участія въ какомъ-либо дѣлѣ, такъ-какъ омовеніе въ этомъ случаѣ было заповѣдано древнимъ; напр., „среди невинныхъ умою руки Мои (Пс. 25, 6)... *Чаща* часто означаетъ наказаніе... Радость и жизнь Писаніе часто называетъ *свѣтломъ*, печаль и смерть—*тьмою*: это происходитъ отъ того, что живущіе благодушно имѣютъ нѣкоторымъ образомъ болѣе ясный взглядъ на вещи, между тѣмъ какъ тѣ, которые находятся въ состояніи печали, не могутъ иногда видѣть даже лежащаго предъ ихъ ногами; и вообще, живымъ свойственно видѣть свѣтъ, тогда какъ умершіе пребываютъ въ вѣчной тьмѣ“. Въ оправданіе такого пониманія Адрианъ приводитъ восемь примѣровъ изъ Библии (Пс. 96, 11. 17, 29.; Ис. 30, 26; 60, 1.; Мих. 7, 8.; Пс. 138, 11; 54, 6; 87, 7). Подобнымъ же образомъ Адрианъ долго останавливается на уясненіи библейскаго употребленія словъ *плоть* (σάρξ), *духъ* (πνεῦμα) и *вѣкъ* (αἰών). „Многократно“, говоритъ онъ, „Писаніе употребляетъ слово *плоть* для обозначенія естества (природы), какъ въ выраженіи: положили тѣла (τὰς σάρκας) преподобныхъ Твоихъ (въ снѣдь) звѣрямъ земнымъ (Пс. 78, 2), или для обозначенія человѣческой испорченности, какъ напр.: не будетъ духъ Мой въ людяхъ этихъ, потому что они суть *плоть* (Быт. 6, 3); или для обозначенія нашей смертности... или въ смыслѣ обозначенія кровнаго родства“. „Словомъ *духъ* (πνεῦμα) Писаніе часто пользуется для обозначенія хотѣнія, благодатнаго дара, ангела, души, голоса или вѣтра... Слово *вѣкъ* (αἰών) употре-

блается въ Писаніи въ тройкомъ смыслѣ: оно означаетъ или возрастъ каждаго человѣка, или вообще періодъ времени, или продолжительность и вѣчность“. Для подтвержденія указываемыхъ значеній словъ *плоть*, *духъ* и *вѣкъ* Адрианъ приводитъ болѣе пятидесяти библейскихъ мѣстъ, при чемъ преимущественно ссылается на псалмы и на пророческія книги.

Разсмотрѣвъ особенности въ библейскомъ употребленіи нѣкоторыхъ словъ, авторъ введенія переходитъ затѣмъ въ третьей части своего труда,—къ изложенію встрѣчающихся въ Библии фигуральныхъ выраженій (*σχηματα συνθέσεως*). Онъ указываетъ библейскіе примѣры эллипсиса, тавтологіи, антистрофы (*αντιστροφή*), гипербаты (*ὑπερβατοί*) и гипертезы (*ὑπερθέσεις*). Далѣе отмѣчаются случаи особеннаго употребленія нѣкоторыхъ нарѣчій, предлогъ и союзовъ, (именно— *вотъ* (*ἰδοὺ*), *кромя* (*πλὴν*), и (*γὰρ*), *ибо* (*γάρ*), *съ* (*σύν*) и *въ* (*ἐν*). Конецъ третьей части сочиненія составляетъ довольно пространный трактатъ о наиболѣе употребительныхъ въ Библии тропахъ. Адрианъ находитъ въ Библии 22 рода переносныхъ выраженій. Они суть слѣдующіе: метафора, притча, синкрисисъ, синекдоха, гиподигма, метонимія, антифразисъ, перифразъ, анакефалеосисъ или эпаналеписисъ, апокрисисъ, прозопопея, схематизмъ, аллегорія, гипербола, эпитотазмъ, иронія, сарказмъ, энигма, апили, апофасисъ, апосіописисъ и паренесисъ. Авторъ „введенія“ опредѣляетъ сущность каждаго изъ перечисленныхъ троповъ и затѣмъ, по обычаю, приводитъ изъ Библии нѣсколько примѣровъ для поясненія своей мысли.

Въ заключительной части сочиненія Адрианъ кратко излагаетъ принципиальныя воззрѣнія на истолкованіе Свящ. Писанія и нѣкоторыя основныя правила экзегесиса. „Существуетъ“, говоритъ онъ, „два вида священныхъ писаній,—именно пророчество и исторія. Каждый изъ этихъ видовъ относится къ прошедшему, настоящему и будущему времени. Прошедшимъ временемъ занимаются, напр., книги Моисея о

твореніи вселенной, настоящимъ — записи блаженнѣйшаго Елисея о Гіезіи, о данномъ ему золотѣ; будущимъ — предсказанія пророковъ относительно евреевъ и явленія Христа, — предсказанія, полученные нами въ формѣ рѣчей, видѣній и символическихъ дѣйствій. Предсказанія въ формѣ рѣчей мы видимъ въ словахъ: вотъ придутъ дни, говоритъ Господь, когда Я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый завѣтъ (Іер. 38, 31); пророчество въ формѣ видѣнія содержится въ словахъ: и была на мнѣ рука Господня (Іез. 3, 22), и еще: мертвые воскреснутъ (прежде) (1 Сол. 4, 16), и увидѣлъ я, и вотъ шель на облакахъ какъ-бы Сынъ Человѣческой (Дан. 7, 13). Пророчество въ дѣйствіи мы видимъ въ разказѣ объ Авраамѣ: принеси мнѣ трехлѣтнюю телицу и трехлѣтняго козла, трехлѣтняго овна, горлицу и голубя (Быт. 15, 9) и еще: возьми сына твоего возлюбленнаго, котораго ты любишь, Исаака (Быт. 22, 2)“.

„Поэтому ученики прежде всего должны понять ходъ мыслей въ отдѣльныхъ мѣстахъ и потомъ передавать ихъ въ дословномъ и точномъ переводѣ. Какъ можетъ быть ошибоченъ переводъ, если не предшествуетъ ему пониманіе! Ибо, какъ кормчіе кораблей, если не лежитъ предъ ними опредѣленная цѣль, къ достиженію которой они могли бы направить свое кормило, принуждены безразлично уступать свое искусство всякому вѣтру, носятся по всему морю, прибѣгая къ блужданію вмѣсто гавани, — такъ по необходимости будетъ и съ экзегесисомъ, если ему не предшествуетъ предварительное пониманіе дѣла. Если рѣшительно невозможно, чтобы эпическія произведенія, которыя имѣютъ содержаніемъ только свободныя измышленія, а не дѣйствительные факты, знатоки объясняли иначе, какъ давъ предварительно понятіе о предметахъ, трактуемыхъ въ стихотвореніи, дабы ученики находили слова, соответствующія предметамъ, и не говорили на вѣтеръ, — то не было ли бы нелѣпымъ, если бы мы описанное въ нашихъ божественныхъ книгахъ подвергали без-

содержательнымъ и неосновательнымъ предположеніямъ и не считали-бы стыдомъ представить для этихъ фактовъ объясненія, которыя основываются на однихъ предположеніяхъ и которымъ не достаетъ согласія съ контекстомъ“.

„Если кто-либо посылается къ какою-нибудь совершенно неизвѣстную ему страну, то (должно сначала ясно назвать ее). Еще важнѣе для него назвать людей, которые ее уже знаютъ. Но болѣе всего необходимо указать посылаемому путь, ведущій туда, а также обозначить знаки на всемъ протяженіи его, слѣдуя которымъ онъ никогда не можетъ сбиться съ прямого пути. Такъ и съ тѣмъ, кто хочетъ учить; онъ долженъ имѣть въ виду слѣдующія задачи: прежде всего ученикамъ нужно представить предметное содержаніе (τῶν πραγμάτων ὑπόθεσιν), для чего необходимо учителю высказать рѣшительно свое пониманіе. Потомъ нужно изложить ученикамъ ученіе о различныхъ особенностяхъ Писанія и привить имъ вавыкъ отличать отдѣльныя фигуры рѣчи и тропы другъ отъ друга. А буквальный переводъ по смыслу долженъ имѣть не меньшее значеніе, чѣмъ путевые знаки, посредствомъ которыхъ дается возможность безопасно и надежно дойти до цѣли“.

„Очевидно, конечно, что тѣмъ, которые хотятъ бѣжать, а не идти (медленно) шагъ за шагомъ, указаніе на эти знаки излишне и бесполезно. Во всякомъ случаѣ, должно всегда твердо держаться контекста рѣчи (καθόλου τῆς ἀκολουθίας): кто при помощи точнаго перевода держится за смыслъ, какъ за нить, проходящую чрезъ весь текстъ, тотъ не погрѣшитъ. Поистинѣ, буквальный смыслъ (ῥητῶν διάνοια) можно сравнить съ тѣломъ, а созерцаніе (θεωρία) есть какъ-бы очертаніе (σχήμα) тѣла. Последнее можно указать и издали, а тѣло можно точнѣе опредѣлить (только) по членамъ и составамъ, не фантазируя уже дальше тѣла“.

Введение заканчивается отрывочнымъ замѣчаніемъ о томъ, что въ пророческой письменности однѣ книги составлены прозаическою рѣчью (кн. Исаи, Іереміи), а другія написаны по опредѣленному размѣру и предназначены для пѣнія,—какъ псалмы Давида.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе перваго опыта „Введения въ Свящ. Писаніе“. Какъ видно, это „Введение“ существенно отличается отъ тѣхъ руководствъ по наукѣ, которыя появляются во множествѣ въ послѣднее время. Чисто исагогическаго матеріала въ трудѣ Адриана почти нѣтъ, и собственно говоря, это трудъ скорѣе относится къ области риторики, чѣмъ къ Свящ. Писанію, хотя самъ авторъ имѣлъ въ виду дать въ немъ именно руководство къ чтенію Библии. Разсматривая сочиненіе Адриана, какъ трудъ по риторикѣ, мы видимъ въ немъ нѣкоторыя особенности. Того раздѣленія матеріала, которое принято у Адриана, и объединенія троповъ и фигуръ въ одну категорію—въ другихъ древнихъ риторикахъ мы не встрѣчаемъ. Въ греческихъ и римскихъ руководствахъ по риторикѣ обыкновенно фигуры раздѣляются на два разряда: *σχήματα διανοίας* и *σχήματα λέξεως* или *λόγου*. Только у Фортунаціана допускается трехчастное дѣленіе фигуръ на *σχήματα λέξεως*, *λόγου* и *διανοίας*, причемъ *σχήματα λέξεως* причисляются къ фигурамъ грамматическимъ, а *σχήματα λόγου*, какъ и у Діонисія Галикарнаскаго, къ фигурамъ риторическимъ. Но, очевидно, дѣленіе Адриана отлично отъ дѣленія Фортунаціана, тѣмъ болѣе, что послѣдній не допускаетъ объединенія троповъ и фигуръ, существующаго у Адриана. Это объединеніе мы видимъ у Корнифиція и Фронтина, но за то у нихъ иное раздѣленіе фигуръ. Равнымъ образомъ, и въ ученіи о тропахъ Адрианъ отступаетъ отъ обычныхъ въ его время понятій: троповъ *ὑπόδειγμα*, *ἀνακεφαλαίωσις*, *ἐπιπλάσμιος* въ риторикахъ древняго времени не встрѣчается, и вообще количество троповъ у Адриана большее, чѣмъ у какого либо другого писателя. Такимъ обра-

зомъ, Адрианъ въ своемъ распредѣленіи библейскаго матеріала является самостоятельнымъ, или лучше сказать, эклектикомъ, потому что, не слѣдуя одному какому-либо образцу, онъ заимствуетъ изъ многихъ. Впрочемъ, распредѣленіе матеріала, принятое у Адриана, не можетъ быть названо строго логическимъ и отчетливымъ: смѣшеніе фигуръ и троповъ, различеніе *σχήματα διαβολάς* и *σχήματα λέξεως*, сущность нѣкоторыхъ метафоръ—все это въ рассматриваемомъ сочиненіи, какъ можно видѣть и изъ приведенныхъ примѣровъ, недостаточно выяснено и мотивировано.

Что касается „Введенія“ Адриана, какъ руководства къ чтенію Библии, то съ этой стороны о немъ можно сказать слѣдующее. Безспорно, авторъ „Введенія“ обладалъ большимъ знаніемъ Свящ. Писанія. Каждое свое положеніе онъ подтверждаетъ многочисленными библейскими примѣрами и съ замѣчательною легкостью цитуетъ различныя книги Свящ. Писанія. Принятый Адрианомъ планъ не далъ возможности объять въ сочиненіи весь библейскій матеріалъ, и потому „Введеніе“ его не можетъ служить достаточнымъ руководствомъ къ чтенію *всей* Библии. Однако, несомнѣнно, многія замѣчанія Адриана, и при своей отрывочности, весьма полезны для читателя, не имѣющаго возможности и времени углубляться въ смыслъ Писанія, ищущаго въ Библии только назиданія. Но особенно важно то, что основная точка зрѣнія на толкованіе Писанія, выраженная въ концѣ Введенія и проходящая чрезъ все сочиненіе, совершенно правильная и плодотворная.

По направленію своей экзегетики Адрианъ принадлежалъ, несомнѣнно, къ школѣ Антиохійской, представителями которой были св. Іоаннъ Златоустъ, Феодоръ Мопсуестскій и блаж. Феодоритъ. Какъ и эти послѣдніе, Адрианъ прежде всего,

какъ мы видѣли, обращаетъ вниманіе на прямой, буквальный смыслъ Писанія и хочетъ дать руководство къ его отысканію. Слова съ ихъ прямымъ смысломъ суть, по мнѣнію Адриана, знаки, которыхъ необходимо держаться, чтобы не сбиться съ пути. Буквальный смыслъ Писанія Адрианъ сравниваетъ съ тѣломъ, а „созерцаніе“ (θεωρία) онъ считаетъ только очертаніемъ тѣла. Тогда какъ александрійцы аллегорическій методъ толкованія прилагали ко всему Писанію, по мнѣнію Адриана, аллегорія есть только одинъ изъ троповъ, встрѣчающійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Библии. Повидимому, Адрианъ даже полемизируетъ съ аллегористами, когда говоритъ о бесполезности своихъ указаній для тѣхъ, которые при чтеніи Свящ. Писанія „хотятъ летѣть, а не идти шагъ за шагомъ“. Если сопоставить „введеніе“ Адриана съ экзегетическими трудами учителей Антиохійской школы, то можно замѣтить особенную близость „введенія“ къ толкованіямъ Θεодора Мопсуестскаго. Сходно съ Θεодоромъ Мопсуестскимъ Адрианъ изъясняетъ употребленіе союза ὡς и слова πνεῦμα; повторяетъ мысли Θεодора объ употребленіи въ еврейскомъ языкѣ времени, о пророчествѣ, а также и нѣкоторыя обыкновенныя у Θεодора выраженія (ἐκ μεταφορᾶς, ὑπερβολικῶς λέγειν). Многія строки „введенія“ напоминаютъ также и труды бл. Θεодорита: таково объясненіе словъ πούθησον, αἰών, и воззрѣніе на седмичное число. За близость „введенія“ Адриана къ экзегетикѣ антиохійской говорятъ, наконецъ, и то обстоятельство, что библейскій текстъ цитруется у Адриана весьма часто по рецензій Лукіановской,—рецензій, которая была принята именно въ Антиохіи.

Но, слѣдуя экзегетическимъ принципамъ школы Антиохійской, Адрианъ, при этомъ, совершенно чуждъ тѣхъ крайностей, которыя допускали въ некоторые представители названной школы: по духу своему онъ принадлежитъ къ лучшимъ

Антиохійцамъ. Указанными качествами перваго опыта „введенія въ Свящ. Писаніе“ объясняются и тѣ одобрительные отзывы о немъ, какіе дѣлались въ древности, и то вниманіе къ нему, которое обнаруживаютъ нѣкоторые изъ новыхъ экзегетовъ.

Вл. Рыбинскій.